

ГЛАВА 1

Стена дома обрушилась лет десять назад. Марк заглянул за край провала. Лицо обдало холодным осенним ветром. Обломки панелей на земле поросли травой и чахлыми деревьями. Отсюда, с девятого этажа, город просматривался до самой реки. Крыши, покрытые серым шифером и черным гудроном, тянутся вдаль — к тонкой темной полоске. Другой берег накрыла серая вуаль не то дыма, не то тумана.

Марк поддел носком ботинка увесистый булыжник — тот по дуге полетел вниз, с глухим стуком ударился об обломок стены и рассыпался на несколько осколков. Телефонисты не знают заранее место сеанса. Их ведет интуиция. Как охотничьи псы по следу, идут они, вслушиваясь в шумы и щелчки своего сознания. Чутье привело Марка в заброшенный дом на окраине города и погнало по разбитым пролетам на девятый этаж. На облупившейся стене бывшей детской нашлась пульсирующая электричеством точка, куда нужно приладить телефонную трубку. Слишком высоко — клиенту придется тянуться.

Клиента, отставного военного, Марк назвал для себя полковником. Профессию выдавала выправка, строгая манера держаться и скупая, рубленая речь. Лучшие годы его прошли в дальних гарнизонах. Он привык, что жена всегда рядом, но вот ее не стало, и жизнь полковника сделалась унылой и однобокой. Он и не представлял, что супруга была важнейшей деталью его существования.

От отчаяния такие люди ищут телефониста, чтобы тот хоть на несколько минут установил соединение — хрупкий мостик между мирами. Телефонист разыщет место пробоя и в нужный момент подключится к каналу связи.

К своим тридцати Марк повидал многих, кто искал контакта с иной стороной. Для одних звонки — шанс покаяться, вымолить прощение, последняя возможность примирения. Другим, напротив, сеанс связи нужен ради прощальной пощечины. Третьи хотят еще раз прикоснуться к бывшему благополучию, времени, когда жизнь счастливо текла рядом с родным человеком. Военный относился к последним. Поглощенный разговором, он стоял посреди руин, не смущаясь нелепой позы, и прижимал к уху пластмассовую трубку с оборванным проводом.

Телефонисты не слушают разговоры клиентов. Звонок — дело привычное. Сначала из динамика доносятся шорохи эфира и треск, а после — щелчок, и мелодичный женский голос произносит: «Назовите абонента». Разговор начинается тихо, а заканчивается криком и рыданиями.

Но полковник не кричал и не плакал. Спокойно бубнил в трубку. Часто слышалось: «Галя, Галя...»

Казалось, он молится. Марк поморщился: держать канал открытым требовало сил. Он отвернулся и с притворным любопытством всмотрелся в городские кварталы. Внезапно клиент замолчал. Грохнул выстрел.

***

На поворотах вагон трясло, натужно выли электродвигатели. За окном в темноте мелькали силовые кабели и клепаные стыки металлического каркаса туннеля. Поездка в метро — то еще испытание, но иначе потеряешь полдня в пробках. Война почти вдвое ужала город, но и то, что от него осталось,— это три тысячи квадратных километров домов и улиц, заполненных человеческой массой в десять миллионов голов, вечно спешащих, тревожных и озабоченных. Одно хорошо — в городе легко затеряться.

Вагон накренился. Марк вцепился в поручень и поймал свое отражение в темном стекле. Присмотрелся. Все на месте: шрам на губе, щетина и короткий светлый ежик, мятый бежевый плащ. Но на лице будто бледная маска. «Ты не можешь всем помочь...» — крутилось в голове. Ведь не было и намека, что полковник учудит такое.

Ни жалости, ни сострадания, ничего — кроме усталости. Марк опустил веки и словно окунулся в плотный туман. Из белой взвеси медленно проступил Коммутатор. Величественный и непостижимый, он занимает весь горизонт и уходит ввысь, наполняя пространство непрерывным низким

гулом. Лязгают шестерни, клацают контакторы, шелестят реле. Коммутатор связывает цепи миров и пронизывает их животворящими вибрациями. В одном из них по подземным туннелям несется в железном червяке одинокий человечек — скромный телефонист Великого Коммутатора. Тот, кому даровано знать и чувствовать.

Марк потрянул головой, отгоняя наваждение, и прошептал строчки Катехизиса: «...Узнаем о тех, кто ждет нашу помощь. Люди боятся, но ищут нас, когда все испробовано и надежда потеряна...» Он украдкой оглядел пассажиров. Пара подростков у дверей, женщина отвернулась к окну, пятеро рабочих в дальнем конце вагона. Может, кто-то из них ищет его? Или среди них доносчик, и скоро Марка покажут по новостному каналу — в наручниках, окруженного агентами Особой службы Министерства государственной безопасности. Наверняка Виктор Курц, глава службы, не упустит случая вытащить свою жирную тушу под свет софитов, чтобы похвастаться поимкой последнего телефониста.

Марк сунул руку в карман плаща, пальцы коснулись холодного металла. Он сам не знал, зачем взял пистолет из ладони мертвого полковника. Никакое оружие не защитит, если Особая служба возьмет след.

***

Ближе к реке воздух стал холоднее, запахло тиной. Чайки парили в восходящих воздушных

потоках, широко расправив крылья и издавая резкие гортанные крики. Марк пересек заросшие бурьяном железнодорожные пути и свернул в узкий проулок, ведущий к воде. Над головой нависли щербатые стены старых складов, приспособленных под жилье.

До войны тут шумел торговый порт. Краны, похожие на гигантских цапель, крутили башнями, между кривых металлических лап сновали погрузчики. На таможенном переходе выстраивались в очередь многотонные фуры, везущие товары в Заречье. Невыносимо воняло рыбой, специями, жженой резиной и мазутом.

Теперь у реки запустение. После обстрелов из всех построек уцелели лишь толстые стены складов и хранилищ. Больше повезло зданиям на окруженных водой островках в километре от порта. На ближнем Марк обустроил себе жилье в покосившемся двухэтажном домишке. Невесть какой комфорт: внизу гостиная с плитой и холодильником и миниатюрная ванная комната, на втором этаже — спальня и кабинет. Но жить можно. Остальные обитатели порта ютились в куда более скромных апартаментах.

Марк вышел на пирс и кивнул соседу-рыбаку, латающему сети в пришвартованной плоскодонке. Его звали Петром. Бездетный, он жил с женой в комнате на ближнем к реке складе. Петр махнул Марку рукой:

— Что-то ты рано сегодня,— на его загорелом до черноты лице показалась беззубая улыбка.—
Всю уже жилплощадь распродал?

Марк устало покачал головой, мол, куда там. Для соседей он — удачливый прыныра-риелтор, чудак, невесть как попавший в местную клоаку.

— Что ты тут забыл? — упрекали его старожилы.— Купил бы квартиру в новом районе и жил припеваючи.

— Мне здесь нравится,— пожимал плечами Марк.— Люблю смотреть на реку.

Неширокий канал отделял дом от пристани. Марк остановился у края пирса и потянул ржавый рычаг, торчащий из бетонной прорези. От дверей со скрипом опустился деревянный настил из пары сколоченных вместе досок. Человек пройдет, а тени — нет. Воды они боятся.

Марк закрыл дверь и облегченно выдохнул. Дома можно расслабиться. Он сбросил ботинки, повесил на гвоздь плащ и плюхнулся в старое потертое кресло. Солнце било в окно косыми лучами. Свет квадратными пятнами лежал на полу, столешнице обеденного стола, бликовал на полированных дверцах массивного шкафа для верхней одежды. Дальнюю стену гостиной занимал деревянный стеллаж из неотесанных досок. На его полках блестяли пластмассовые корпуса разобранных телефонов, выстроились в ряд старые радиоприемники, динамики с торчащими проводами, реле с плотной медной обмоткой. Инструменты телефониста всегда наготове, и ни один не используется дважды — каждый для своего случая, под конкретного клиента.

На средней полке выглядывала из-за вороха проводов фотокарточка в стеклянной рамке.

С кресла картинка казалась размытой, но Марк и так знал, что на ней стоят в обнимку двое мальчишек двенадцати лет — оба в коричневых интернатских пиджаках без лацканов и карманов. Блестящие никелированные пуговицы застегнуты все до одной. Один мальчик светловолосый со шрамом на губе, второй — кареглазый с черной взъерошенной челкой. Рядом с ними — седой морщинистый старик в сером плаще. На обороте карточки — надпись без даты: «Маркус Новак, Андрей Бенеш, Грегор».

— Ты бы наверняка догадался, что у старого вояки на уме,— прошептал Марк кареглазому другу.— Но мы лишь даем возможность, люди распоряжаются ею сами...

Плащ сорвался с гвоздя и с глухим стуком упал на пол. Марк поморщился — он напрочь забыл про пистолет. Свыкся с его тяжестью в кармане. Люди быстро привыкают к оружию. Марк знал это не понаслышке. Он резко встал, схватил с полки целлофан и не глядя замотал в него пистолет. Забрался на стремянку и сунул треугольный пакет подальше в тайник на антресоли.

***

Марк висел в серой непроглядной мгле. Глазу не за что зацепиться — ни границ, ни предметов, ни черточки. Впереди, чуть ниже уровня глаз, появилась крохотная черная точка, ухо уловило едва различимый писк. Марк взгляделся и понял, что точка невообразимо далеко от него, но она быстро

растет — приближается, а писк становится все громче и громче. Через секунду на Марка уже катился вал черной массы. Вздвигаясь как цунами, он оглушительно грохотал. Марк закрыл лицо ладонями, беззвучно закричал и проснулся. Сердце бешено колотилось, пальцы сжимали мокрую от пота простыню.

Этот кошмар снился нечасто, но после него жизнь менялась кардинально. Марк встал с кровати, взял со спинки стула рубашку и штаны и оделся. Перед выходом залез в тайник на антресоли и сунул в карман плаща треугольный целлофановый сверток.

Серая дымка затянула небо, и город погрузился в тихий сумрак. Порывы холодного ветра несли запахи прелой травы и близкого дождя. Тропинка вела через заброшенную промку. Из гигантских лопухов, словно кости доисторических монстров, торчали искореженные бетонные конструкции. Марк привык ходить тайными путями по изнанке города, по местам, выпавшим из людской повседневности.

Тяжелый сверток оттягивал карман и бил по бедру. Присвоив пистолет, Марк нарушил правило: не брать у клиентов ничего, кроме денег. Не смог устоять перед соблазном. Хранение оружия уже пять лет как запрещено Особой службой, и на черном рынке такой пистолет стоит немало. Закинув его на антресоли, Марк надеялся, что больше не вспомнит о нем. Но спустя неделю тот превратился в наваждение. В гостиной, в спальне, в уборной — где бы Марк ни находился, ему чудилось, будто в

спину целится черное дуло. Классический случай залипания. Пришлось залезть в тайник и подробно рассмотреть вещицу. Короткий ствол, изогнутая рукоять с выемками для пальцев. Оружие довоенного образца. Такое уже не делают. В шестизарядном барабане не хватает патрона. На впаянной в рукоять медной пластине гравер-каллиграф вывел посвящение некоему Виктору Эдгарду. Вероятно, так звали полковника. Фамилия редкая — адрес в «Желтых страницах» нашелся быстро. Простой рецепт от залипания — вернуть предмет родственнику мертвеца.

Через промку Марк вышел к окраине старого спального района и побрел по разбитому тротуару, некогда покрытому белой мраморной плиткой. До войны здесь бурлил пешеходный бульвар, вечерами горели фонари, гуляли парочки. Теперь же вдоль улицы тянулись дома под стать тротуару — побелка выгорела, штукатурка потрескалась и местами осыпалась, стены покрылись серыми заплатами. Ухоженно смотрелись только послевоенные панельки, торчащие между домов-ветеранов. Вдалеке манили блеском зеркальные окна многоэтажек нового района. Вокруг — ни души. Лишь нахохлившиеся голуби на проводах и карнизах.

Снова налетел холодный ветер. Марк поднял воротник. Впереди показалась торговая площадь. По ее периметру теснились магазины, завлекая посетителей ярким неоном и теплым светом витрин. У окна обшарпанной столовой примостился пацаненок, на вид лет тринадцати. Нескладный, тощий,

куртка висит мешком, на голове — черная вязаная шапочка.

Семь лет прошло с войны, а таких еще много на улицах. Бегут из приютов и прячутся от социальных служб по подвалам.

Явно голодный пацаненок даже не пытался приставать к покупателям. Просто безо всякой надежды смотрел сквозь замызанное стекло.

Марк подошел ближе.

— Ты так долго не протянешь.— Он остановился в метре от подростка.— В городе надо иметь сильные кулаки и острые зубы.

Пацаненок шмыгнул носом и затравленно зыркнул из-под бровей:

— Не нуждаюсь в советах! — огрызнулся он ломким, уже с баском, голосом.

Глаза у него оказались карие, в точности как у мальчишки с домашней фотографии. У Марка в животе натянулся холодный жгут.

— Упрямый, уже хорошо. — Марк улыбнулся, поднял было руку, чтобы хлопнуть его по плечу, но вовремя остановил движение. — Осталось начать что-то делать. Пойдем, покормлю, пока ты тут не загнулся.

Он повернулся и гостеприимно открыл дверь столовой. Пацаненок заколебался, но вошел.

В теплом просторном зале пахло вареным мясом и овощами. Глянцем блестели круглые столики в окружении высоких табуретов. На боковой стене — обычный плакат «Объединение», половинки города через реку протянули друг другу руки.

В дальнем конце зала вытянулся стеклянный прилавок раздачи. За ним подбоченилась дородная повариха в тесном халате. Вторая толстуха сидела за кассой. Посетителей кот наплакал: мужик в вязаном свитере у стены и две девушки в студенческой форме недалеко от входа.

Марк протянул подростку пустой поднос.

— Заказывай что хочешь.

Тот замялся: выбор явно поставил его в тупик. Марк сам купил ему тарелку наваристых щей, пюре с котлетой и стакан компота. Себе взял простую лапшу с острыми специями. Кинул на тот же поднос и отнес к столику у окна.

Пацаненок резво заработал алюминиевой ложкой. Через минуту он отставил пустую тарелку из-под щей и принялся за второе. Щеки его порозовели, глаза ожили.

— Как тебя звать? — Марк почувствовал, что наступило время для откровенности.

— Максим,— без колебаний ответил подросток.

— Здесь где-то живешь?

— В развалинах на пустыре,— кивнул он.— У нас там банда, учти.

— Понятно... Мне пора, Максим.— Марк снова нащупал в кармане целлофановый сверток.— И запомни: нужно бороться, а то пропадешь.

Он мог бы рассказать ему о своей жизни в интернате. О том, как приходилось кулаками и ногтями отстаивать свободу. Но Марк промолчал, его ждало неотложное дело. Он встал со стула, прошел между